

А. Базилевский

Славянская библиотека издательства «Вахазар»: идея и практика

Сразу поясню: самореклама не в обычаях «Вахазара». Однако когда-то я придумал это издательство и до сих пор действую под его вывеской, поэтому — полагаю — вправе поделиться рядом наблюдений и примеров из собственной практики. Хотя бы для того, чтобы добавить еще немного материала в многовековую историю призыва к действительной борьбе с ветряными мельницами. Тем более что после двадцати лет существования издательства (и выпуска нескольких дюжин польских и сербских книг) пора подвести некоторые итоги. Не мое дело оценивать наши публикации и анализировать их восприятие. Как главреддиру (главному редактору + директору), мне пристало выступить скорее в жанре, сходном с программным текстом, чем-то вроде теоретического автокомментария. Прежде чем подробнее показать работу «Вахазара», кратко остановлюсь на причинах его возникновения. Можно назвать это манифестом *ex post*. Исключительно *ex post*, поскольку в воплощении любой идеи — помимо проявляющейся со временем последовательности — всегда есть толика незапланированной случайности.

Выбирая текст — как исследователь, переводчик или издатель, я руководствуюсь прежде всего художественным впечатлением. Размышления о «послании» рождаются позже; исток всего — очарованность. Я действую под впечатлением формы высказывания, ведь форма убедительна, лишь когда содержание отвечает естественной диалектике бытия. Стараюсь избегать тенденциозных текстов. Вылавливаю из потока литературы и прививаю на отечественную почву то, в чем подмечаю существенную ценность, иногда — ноту, недостаточно слышную у нас. То есть перенимаю «чужое», то, что обойдено или недооформлено родной культурой, и делюсь этим с людьми своего языкового круга. Знакомство с «оптикой» иного народа через искусство позволяет многие вещи видеть яснее. Вот едва ли не самая важная мотивация всех моих интерпретаторских, переводческих и издательских начинаний. Неизбежное следствие — обратная связь: расширяются духовные границы другой страны — ее в мире «больше», чем было.

© Базилевский А., 2014

Польской поэзией я занялся когда-то из идеальных побуждений, ведомый интуитивным предчувствием и бескорыстной жаждой познания. Я изучал в Московском университете польскую филологию: и хотя сам ее сознательно выбрал, был бесстыдным прогульщиком — зато страстным читателем польских книг. Уже тогда заметил нескольких поэтов (Грохвяка, Ружевица, Карповича, Мисаковского и др.) и принялся понемногу переводить их стихи, увлекся творчеством Станислава Игнация Виткевича, которое — с разной интенсивностью — сопутствовало мне много лет. Я переводил в основном поэзию XX века, прежде всего второй половины. Теперь личные счета с польской поэзией у меня почти сведены к нулю, но я по-прежнему стараюсь следить за ней и не отрекаюсь от звания ее популяризатора. Что же я искал и что нашел в польской поэзии?

Сперва — очевидный факт: Польша и Россия — части большой Славии, духовной территории, общей для полутора десятков народов. *Rach Slavica* не химера, у нее великолепная история — не «меченная постройками и письменами», но «сложенная в душе» (если воспользоваться словами Мицкевича).

С благодарностью слежу за трудами коллег из Польши и других славянских стран, которые много делают для распространения русской художественной культуры на своей земле. Я хотел бы, чтобы и издательство «Вахазар» сыграло важную роль в преодолении замкнутости национальных менталитетов, создании общего пространства возрождения. Польша — хотя ее часто пытались воспринимать в качестве «рубежа обороны» — в действительности благодаря своим великим художникам стала чуткой мембраной, ретранслятором взаимовлияний между Востоком и Западом, и в этом, в частности, состоит специфика ее гетерогенной культуры. Польская культура пронизана стихийной философией движения, действия — не созерцания, не выжидания. Быть может, именно этот общенациональный активизм и есть ключ к национальному бытию. У такого активизма есть плюсы и минусы, но в принципе он мне импонирует. Очевидно, совпадает с моим упрямством.

Совпадает он, впрочем, и с амбивалентными предпочтениями русского читателя, который наравне с рефлексивным повествованием и созерцательной образностью любит стремительную метафорическую психодинамику и обнаженно-эмоциональную речь. Спрос на польскую литературу в России велик, книг ждут с интересом. Среди польских произведений есть такие, которые имеют у нас (или потенциально могли бы иметь) широкий диапазон воздействия. Польше есть что сказать России не только на языке популярных жанров и сиюминутно ориентированной политики. Общность двух стран касается вопросов глубинных, о них не скажешь двумя словами (поэтому не затрагиваю здесь частностей этой темы). Польская культура воспринимается в России как явление само-

достаточное и сопоставимое с нашей отечественной культурой, как воплощение интеграционных смыслов, ценностей взаимопонимания.

Перевод и издание славянских литератур имеет у нас богатую историю. Тем не менее на исходе советской эпохи многие важные произведения оставались нам неизвестными — будь то в силу случайности, будь то по причинам внелитературным. Пределы зависимости от антимифологизированной ныне «системы», к счастью, различались. Однако в общем дело с литературным обменом между так называемыми братскими странами обстояло не лучшим образом. В частности, представление поэзии не являлось сильной стороной издательской политики. Так или иначе, белых пятен — причем различной природы — у нас в России было предостаточно, что вполне относилось и к польской литературе.

Чего не хватало русским? Наш читатель на пороге 90-х годов XX века знал лишь некоторых польских романтиков и позитивистов. Слабее (количественно) были представлены древнепольская литература, произведения эпох Возрождения, Просвещения, тексты в барочном стиле, что понятно и простительно, ведь перевод и издание сочинений тех времен — трудоемкая задача, требующая высочайшей квалификации.

Авторов XX века подбирали довольно осторожно. Картина — вопреки видимости изобилия — была более чем скромная. В целом о польской литературе этого периода известно немного. Относительно больше — о прозе, менее всего — о драме. Хотя переводы позволяли читателю получить общее впечатление о том, что представляет собой польская драматургия, однако пробелов было (и остается) порядочно. С драмой по-прежнему знаком лишь круг заядлых читателей и театралов. Театры черепашьим шагом «подбираются», например, к Виткевичу (уже почти полностью у нас изданному). Некий шум возник вокруг Гомбровича и Мрожека, но только чуть-чуть, совсем немножко издавали и ставили Ружевича. Не говоря уж о других, в том числе более молодых.

О поэзии до недавнего времени было известно немногим больше. Чем к концу 80-х годов являлась для русского читателя польская поэзия XX века? Несколько (впрочем, нехудших) имен в разных конфигурациях — вот все, что обычно предлагалось во времена издательской госмонополии. Собственно, не преувеличивая можно сказать: наш читатель знал о польской поэзии последних десятилетий только то, что она существует, независимо от его сведений о ней. Философски насыщенная, социально действенная, нестандартная по форме поэзия была не в почете. Художественная ценность переводимых произведений учитывалась отнюдь не в первую очередь (хорошо, если вообще принималась в расчет). Тексты авторов, которых печатали, нередко доходили до читателя в усеченно-прилизанном виде. И пусть даже среди переводчиков встречались имена хороших поэтов... История издания польской поэзии на русском

языке точно отражает атмосферу тех десятилетий. Это хорошо передает присловье: если нет того, что любят, люди любят то, что есть. Итак, что же было в нашем распоряжении?

В 1946—1987 годах выходили авторские книги и коллективные сборники, включавшие стихотворения в основном тех, кто к концу Второй мировой войны либо уже скончался, либо пребывал в возрасте от сорока до семидесяти лет (в хронологическом порядке издания их произведений): Тувим, Броневский, Шенвальд, Стафф, Ивашкевич, Галчинский, Добровольский, Лесьмян, Бачинский, Иллакович, Пшибось, Каспрович, Слободник, Павликовская-Ясножевская, Пехаль. Больше всего было изданий Тувима и Броневского. Далее — лишь несколько имен тех, кто родился до войны. Начиная с 1954-го большими или меньшими массивами избранного были опубликованы в разные периоды (отсюда странные соседства) Ворошильский, Мандальян (первые послевоенные дебютанты), Ружевиц, Озга-Михальский (у них выходили отдельные книги) и Шимборская. «Поколение 1956» представляли подборки Гроховяка, Харысымовича, Посвятовской, Гжецака в общем томе 1979 года. Вот и все, если иметь в виду крупные собрания стихотворений; кроме того появилось немного кратких поэтических циклов в журналах.

К списку достижений следует добавить немногочисленные антологии: ретроспективное двухтомное издание «Польская поэзия» (1963), охватывающее период от Рея до середины XX века; сборники «Из польской поэзии: стихи о мире, дружбе, Советском Союзе» (1959), «Польские фразки» (1964) и «Польская лирика в переводах русских поэтов» (1969). Впрочем, ни в одном из них не было стихов авторов моложе, чем вышеназванные ветераны пера (год рождения 1920-й). Горсть таких стихов вошла в антологию «Современная польская поэзия» (1972), однако после этого наш читатель больше почти не имел возможности хотя бы поверхностно познакомиться с творчеством новых поэтов (изредка случались отдельные публикации в периодике, что не меняло общей картины). Время для нас остановилось — в русских переводах практически не был представлен ни один поэт, дебютировавший в Польше после 1960 года. В этом смысле 70—80-е годы — белое пятно, прочерченное зловещими пунктирами «черных списков». Хотя бывало и хуже.

Особенностью в мировом масштабе можно, пожалуй, признать то, что советский читатель пребывал в полном неведении о современниках, чье творчество считалось гордостью новейшей польской поэзии. Ну ладно, ничего не поделаешь, мы не читали их стихов, но, быть может, так или иначе все же были осведомлены? Может, критики много и интересно рассказывали нам о них? Увы, немного, да и не слишком интересно. Обобщающих работ почти не было — кроме предисловий к немногочисленным книгам и заметок-врезок к подборкам стихов в прессе; почти никто из

поэтов не удостоился отдельного очерка. Так называемые научные исследования в ничтожной степени касались вещей, действительно важных для читателя вне круга посвященных. В предпоследнее, уже постсоветское, время жанровая деградация книгоиздания наложилась на обширные задолженности «минувшего периода», что стало жестким вызовом для сторонников продвижения польской культуры в России. Изменило ли новейшее книгоиздание ее панораму? Пожалуй, да, поскольку кое-что появилось (правда, тиражи смехотворны, в сравнении с масштабами советского времени). Однако заметно снобистское отклонение в предпочтениях издателей, связанное со стимулированным успехом некоторых авторов на мировом литературном торжище.

Новых книг в последнее двадцатилетие было не слишком много (особенно если сопоставить с проклинаемым «тоталитарным» вчера), а то, что выходило путное, выглядело довольно обыденно на фоне новорусских библиоблесток а-ля Запад. Подготовка опорных пунктов для будущей контратаки состоит, в частности, в верном представлении культурной традиции. Перед лицом призрака разделения надо находить признаки цельности. Общение над вновь возникшими запретами, вопреки прогрессирующей коммерциализации и унификации культурной жизни, вопреки управляемой девальвации текстов культуры, — это сфера действия малых групп сопротивления. Таким отрядом может стать круг друзей, семья, художественный коллектив, издательство. Частично корректирующее влияние на ситуацию оказывали (и оказывают) именно независимые малые издательства.

Инициативы «Вахазара», задуманные как конкретная «спасательная операция», — одна из попыток обогатить русский образ польского искусства слова. Наше издательство, основанное в 1991 году тремя энтузиастами, относится уже — как ни странно — к старейшим частным издательствам России. Профиль «Вахазара» — издание «Славянской библиотеки», более полная презентация на русской языковой территории значимых — ранее часто замалчивавшихся — произведений славянских литератур. Польская литература не единственный предмет интересов «Вахазара», но она преобладала в продукции издательства в первое десятилетие его существования и по-прежнему систематически популяризируется. Выбор текстов обусловлен определенной исследовательски-художественной и просветительской программой: критерии здесь — достоинства формы, своеобразие и универсальность содержания. Польские серии составляют интегральную часть «Славянской библиотеки», цель которой — создание общего художественно-информационного поля, противодействие примитивизации общеславянского культурного пространства, расширение доступа русского общества к выдающимся литературным явлениям, недостаточно присутствующим в нашем читательском обиходе.

Непосредственной причиной учреждения «Вахазара» стало то, что в судорогах рыночной трансформации как старые, так и новые издательства массово отказывались от публикации «нерентабельных» произведений писателей Восточной Европы. А мы решили хоть что-то построить на руинах. Предвестием будущего издательства выступил первый небольшой русский томик сценических произведений Станислава Игнация Виткевича (библиотека журнала «Иностранная литература» за 1989 год), куда, в частности, вошла драма «Дюбал Вахазар, или На перевалах абсурда» («*Dyubal Wahazar, czyli Na przełęczach bezsensu*»), а также антология «Польские поэты» (Ружевиц, Свирщинская, Бялошевский, Бурса, Стахура) и книга избранной прозы Рыбовича «Выход из тьмы» (обе — в издательстве «Радуга» в 1990-м). В 1990 году в связи с премьерой виткевичевских «Сапожников» («*Szewcy*») в СССР вышел единственный номер театральной газеты, подписанной к печати Ассоциацией ненасильственных действий им. Д. Вахазара, который я считаю первой, фактически «самиздатской», публикацией издательства. Когда же через год из плана издательства «Художественная литература» вылетела — уже после верстки, с порога типографии — большая книга Виткевича «Театр», возник «Вахазар» как таковой (Виткаций¹ стал почетным «патроном» издательства, принявшего имя героя его пьесы). За двадцать лет существования «Вахазара» в двух польских сериях — из которых одна, «Коллекция польской литературы», выходит с 1992 года, а вторая, двуязычная «Польско-русская поэтическая библиотека», — с 2003-го — издано более сорока книг. В них доминируют поэзия и гротеск, это прежде всего тексты XX века, хотя встречается и более ранняя классика. Читателю представлены сочинения более чем 300 авторов, в основном избранные стихотворения современных поэтов (33 из них изданы отдельными книгами или сопоставимыми по объему разделами в сборниках), главным образом впервые в русском переводе.

Среди наших авторов — как писатели именитые, так и те, кто не получил столь громкой известности, но снискал свою заслуженную славу и несомненное место в культуре: Станислав Мисаковский, Ян Рыбович, Томаш Глюзинский, Анджей Заневский... То, что их произведения введены в читательский обиход в России, я считаю крупнейшим достижением издательства. Особой задачей была «реабилитация» поэта Кароля Войтылы: не секрет, что в так называемых кругах интеллектуалов (даже необязательно атеистов-вольнодумцев) до недавнего времени почиталось за бонтон видеть в нем графомана. Нам удалось отчасти «очистить от лжи» представления о наследии ряда писателей, а в нескольких случаях и довольно связно представить сочинения, рассеянные в прессе и общих сборниках. В антологии «Сделано в Польше» (2009) — подводящей итог моим

¹ Псевдоним Виткевича. — *Примеч. ред.*

приключениям коллекционера и переводчика польской поэзии XX века — собраны произведения многих авторов, на которых критика смотрела свысока, сознательно не замечала или попросту проглядела.

Я далек от того, чтобы отрицать значение тех оттенков, которые внесли, к примеру, Милош или Шимборская в духовный автопортрет современного человека (чему доказательством — издание «Вахазаром» их избранных стихотворений). Тем не менее в этом портрете немало других черт и красок, ускользающих от поверхностного внимания. Ибо ядро и опора польской поэзии — это также и другие имена. Вопреки тому, о чем твердит сообщество профессиональных знатоков, к числу ведущих принадлежат не только те, кто озарен лучами всеобщего почитания. Смею полагать, что нескольких из этих поэтов мне удалось выявить. Суть их жизненного деяния — творческое выражение не только собственной личности, но и подлинной мелодии времени — без провинциальной мелочности и эгоистических поползновений, без всякой примеси того, что по-русски называется *гордыня*. Известно: гордыня распирает карликов, те же, кто действительно хранит в себе искру божью, могут себя даже и не замечать. Ведь они служат слову, а значит, правде. Склоняю голову перед этими поэтами и хочу расширить круг тех, кто их читает, в том числе и в оригинале (отсюда, в частности, вахазаровские двуязычные поэтические серии).

«Вахазар» следует живой в польской литературе традиции Виткевича. Постепенно достигается наша стратегическая цель в этой области — издание его важнейших произведений на русском языке (название издательства было оправдано лишь на девятый год существования). Мы сосредоточены на издании так называемых трудных произведений (потому и жизнь у издательства нелегкая, что, впрочем, закаляет). Создаем автономное художественное пространство на основе словесных образов, внесенных в мир также и польскими писателями. Стремимся противодействовать неизбежным горестям нынешнего времени, дать противоядие, средство против умерщвления поэзии тем, кому это нужно. Все то, что когда-то я заметил в польской литературе как читатель: пульсирующую тревогу за духовное содержание жизни, заботу об истинных ценностях, глубину и серьезность речи при яркой разнородности и пленительном юморе высказывания, теперь как исследователь, переводчик и издатель я пытаюсь передать своим соотечественникам.

Изданию очередных томов сопутствуют поэтические вечера, представление книг на радио и в прессе. «Вахазар» постоянно пополняет библиотеки России и соседних стран произведениями польской литературы в русском переводе. Выпускаемые тиражом 1—10 тыс. экземпляров книги по большей части распространяются безвозмездно (передаются библиотечной сети, раздаются во время литературных встреч). В подготовке публикаций принимают участие студенты-слависты: в «Вахазаре» прохо-

дит их учебная переводческая практика — незаменимый элемент формирования коммуникативных навыков, познания культуры и душевного склада других народов. Деятельность издательства в прошедшем веке увенчало открытие в 2000 году — после многих кропотливых трудов — Книжного фонда им. Иосафата Огрызко. Под покровительством этого почтенного учреждения, председателем которого в силу исполняемых функций стал главреддир »Вахазара«, «Славянская библиотека» наконец твердо встала на ноги: началась подготовка южнославянских серий. «Коллекция сербской литературы» и «Сербско-русская поэтическая библиотека» (обе основаны в 2004-м) наравне с «Коллекцией польской литературы» и «Польско-русской поэтической библиотекой» — основные компоненты того, что предлагает »Вахазар«. По мере возможности «Славянская библиотека» будет расширяться за счет других славянских литератур (прежде всего белорусской). Несколько книг славянских писателей вышло вне серий (по предложению авторов и за их счет).

Главная задача »Вахазара« — обогащение общеславянского художественно-информационного поля, поддержка сопротивления против густеющего засилья пошлости и примитивизма. Мы хотели бы способствовать установлению атмосферы бескорыстного дружественного диалога. Больше всего я желал бы, чтобы ход событий опроверг максимуму Мисаковского, чья книга избранной поэзии «Я не сказал» («Nie powiedziałem») открыла когда-то польскую коллекцию издательства: «Если тебе есть что сказать — закрой рот. И тебя наверняка услышат»². Конечно, бывало и так. И все же мы можем выбрать более интересный путь. Давайте услышим друг друга разговаривая! Давайте говорить друг с другом вопреки вещам, вытворяемым политикам, дабы защитить наше общее будущее и нашу человечность. То, что мы делаем, — капля в море того, что необходимо сделать, и мизерная часть того, что можно было бы сделать уже сейчас. Существует немало замыслов, более или менее продвинутых, которых, естественно, больше, чем шансов на их скорую реализацию.

»Вахазар« выполняет поисковую, исследовательскую задачу, недаром его предпочтения и само существование вызывают аллергию у людей, привыкших к внушенному образу литературы. Кстати, любопытно: «белопятнистая» мифология по сей день исправно служит локомотивом коммерческого навязывания спроса; а вот ликвидация мифа — через демонстрацию литературного явления таким, как оно есть, — слывет даже *faux pas*³. Не знаю, что скажут на это другие «пролетарии» умственного труда, но я придерживаюсь мнения, что преднамеренное самоунижение халтурой, увы, остается отличительной чертой так называемой творческой ин-

² Мисаковский С. Замёрзшая земля / пер. с польск. А. Базилевского. М., 2004. С. 24.

³ Ложный шаг (фр.). — *Примеч. ред.*

теллигенции. Я всегда отрекся от профессионализма — в смысле зарабатывания на жизнь творческим трудом. И позиции не изменил. Если бы (допустим вещь невозможную) я иногда не находил в польской поэзии того, что ищу в поэзии вообще, я не занимался бы ею вовсе — это отличает меня от профессиональных переводчиков. Сходным образом и «Вахазар» отличается от коммерческих издательств.

Я руковожу издательством, но это слишком громко сказано: кроме меня «в штате» только бухгалтер. Да и понятие «штат» здесь условно, поскольку в «Вахазаре» нет оплачиваемых должностей. Все административные и издательские функции выполняются на общественных началах, а доходы направляются на производство очередных книг. Никто здесь не обретает никаких материальных благ, только переводчики за свои усилия получают скромную компенсацию, чаще всего в виде экземпляров книг.

Считаю, что подход к художественному издательству как к фирме, которая может быть экономически самокупаемой, по сути выглядит профанацией. Деятельность подобных «ячеек сопротивления» возможна и имеет перспективу при условии постоянного участия меценатов. Возникновение и продуктивное существование такой издательской утопии в годы, менее всего благоприятствующие бескорыстным культуротворческим начинаниям, наравне со множеством прочих фактов свидетельствует о том, что — вопреки натиску дегуманизирующей глобализации и обезличивания — набирает силу тенденция к формированию открытой общности славянских (шире — восточноевропейских) культур, свободной от этнических шаблонов, идеомифов, инерции давно минувших раздоров. Выручает неугасимая способность некоторых людей искусства работать ради идеи (по сути — для людей). Побеждает — как всегда — солидарность обреченных — чудаков, которые не умеют жить иначе.

«Эгоцентричная» на старте (мотивированная лишь эстетически) деятельность «Вахазара» годы спустя оказалась полезна для многих, обрела социальное измерение. Весной 1999 года, когда власти в очередной раз забыли об интересах собственных народов, потворствуя натовскому нападению на Югославию, я содрогнулся от чувства стыда. Понял, что не имею права прерывать свою личную борьбу с ветряными мельницами, и сказал себе: хватит валять дурака, надо всерьез заняться сербской литературой, чтоб хоть немного искупить грех предательства и постыдной жестокости по отношению к нашим братьям.

Так начала складываться трехтомная «Антология сербской поэзии XX века». В 2004 году «Вахазар» (открыв упомянутые выше серии «Коллекция сербской литературы» и «Сербско-русская поэтическая библиотека») издал ее первый том и первый двуязычный сербско-русский сборник стихотворений «Всеосень» («Свејесен») Радована Караджича (замечательного поэта и мужественного человека, которому «демократически»

террористический интернационал отвел роль козла отпущения за свои собственные злодеяния). Продолжая сербские серии, мы выпустили следующие тома антологии (в 2006 и 2008 годах; впоследствии весь трехтомник переиздан в Сербии на языке оригинала) и вместе с белградским издательством «ИГАМ» двуязычные книги избранной поэзии Витомира Николича, Бранислава Црнчевича, Джорджо Сладое, Райко Петрова-Ного, Стевана Раичковича, Мирьяны Булатович и других авторов, чьи имена заметны на общеславянском Парнасе. Также вышли двуязычные комментированная антология «Сербские поэты XX века» и панорама сербской поэзии для детей «Книга радости» (совместно с издательствами «Источник» и «Просвета»). Помимо этого с 2010 года «Вахазар» и «ИГАМ» издают литературно-художественный альманах с параллельным текстом «Сербско-русский круг»: в нем есть место и для всех славянских гостей — писателей, противостоящих вырождению, перерождению и разобщению наших народов. Всего в сербских сериях «Вахазара» увидело свет более 20 книг. Московско-белградское издательство «Гаракс» взяло на себя выпуск двуязычной библиотеки «Сербско-русский круг»: в 2012 году были опубликованы три первых книги (Матия Бечкович, Миодраг Павлович, Миро Вуксанович). Дебютировала и «Русско-сербская поэтическая библиотека» издательств «Вахазар» и «ИГАМ»: в 2012-м вышли книги избранных стихотворений Фёдора Тютчева и Александра Блока с параллельным сербским переводом. *Non solum armis* — не только оружием...

В то же время «Вахазар» еще глубже погрузился в польскую тему. И тут, в канун нового тысячелетия, жизнь вдруг подсказала новые решения и приоритеты. Неожиданно я встретил тех, кто мне был так нужен. Им не требовалось доказывать, что работа «Вахазара» достойна поддержки. Это прежде всего фонд «*Slavica orientalia*», с которым мы основали «Польско-русскую поэтическую библиотеку», и Высшая гуманитарная школа (сейчас — Гуманитарная академия) в Пултуске, соиздатель последних поэтических томов «Коллекции польской литературы» (Норвид, Галчинский, Лесьмян, Тувим, Броневский; подготовленный к изданию Красинский). Ряд книг выпущен в сотрудничестве с издательством Российского университета театрального искусства ГИТИС, московскими издательствами «РИПОЛ Классик», «Этерна», торуньским «ВАМ» и лодзинским «Астра». Находится в производстве завершающий том Виткевича (философские, эстетические и публицистические сочинения). Впереди, вероятно, что-нибудь еще — в духе того, что делал «Вахазар» в пору своего детства и отрочества.

Вот такое наше «что и зачем», такой фрагмент опыта рубежа веков. «Лучше ничего не делать, чем делать ничто», — сказал когда-то Норвид. Он имел в виду тех, кто без убеждения делает дело, которому не предан, и тем самым лишает его перспективы. Шансы на взаимопонимание поляков и русских хорошо укоренены, возможности — потенциально огромны.

Будут ли они использованы или упущены, зависит от тех, кто понимает суть дела и несет ответственность за ход событий (то есть тех, кто относит себя к интеллигенции, «совести народа»).

Взаимному интересу и уважению надо учиться. Надо их формировать. Как исследователь литературы я остро чувствую неудовлетворенность, когда занимаюсь только анализом иноязычных текстов. Анализу должно сопутствовать представление произведения — без издания литературы иного языка филологические спекуляции вокруг фамилий, течений, поэтики напоминают мистификации, сходные с политическими. Для того чтобы образ Польши, Сербии, любой другой страны был выразителен, ярк и притягателен, необходимо их постоянное и основательное присутствие в русской культуре. Речь вовсе не о том, чтобы польская или сербская литература занимала ведущие места в списках бестселлеров, а о том, чтобы русский читатель воспринимал их существование как естественный контекст, а панорама, доступная ему, была близка к действительности.

Положительной информации всегда недостает, особенно если иметь в виду отношения между нашими странами, отягощенные — как в случае с Польшей — многовековыми «спорами славян между собой» (как когда-то сказал об этом Пушкин). Интриги и сведение счетов продолжаются, нечего и рассчитывать на внезапную перемену и волшебные лекарства для параноиков. Но необходимо — вопреки вездесущей «глобосуггестии» раздора — стремиться к тому, чтобы новые времена стали этапом конструктивных, подлинно дружественных контактов между нашими народами — без пауз, умолчаний и искажений, этапом постоянно приходящих вестей о важном и прочном, а не искусственно выпяченном, маргинальном и проходящем, о том истинном, что на деле может служить единению, а не распылению. Надо бы наконец издать то-то и то-то... заново представить того и этого... Но не будем говорить о том, что должно или только может произойти, ибо все — как всегда — висит на волоске. Кажется, и в межславянском культурном обмене самая важная роль — как везде — принадлежит неинституционализованному «частному сектору», конкретному позитивному действию отдельных людей. Надеюсь, впереди еще не одна совместно взятая высота. Ибо *Мы всегда вместе; Ми смо увек заједно; Zawsze jesteśmy razem*. «Наступление» продолжается — это предвещает неожиданности.

